

Доктор Томас Сас – учредитель Гражданской комиссии по правам человека

Томас Сас о психиатрии

О детской психиатрии

- “Открытие того обстоятельства, что психические заболевания представляют собой заболевания мозга, будет означать исчезновение психиатрии и переход предмета её исследования в неврологию”.
- “Я давно настаивал на том, что детский психиатр – один из самых опасных врагов не только детей, но и взрослых, которых заботят два наиболее хрупких и драгоценных предмета в жизни – дети и свобода”.
- Детские психологи и психиатры “отнимают у ребёнка его самое ценное достояние – себя самого...”
- “Как же родители могут защитить своих детей от терапевтического государства, то есть, от альянса между государством и психиатрией? Они могут это сделать, только сами перестав быть жертвами идеи, будто то, что мешает расстроенному или непослушному ребёнку – это психическое заболевание, и что так называемое психиатрическое лечение ему поможет”.
- “Империю детской психиатрии возвели на морально ущербном положении, а именно: что «подростковая делинквентность» – это заболевание, которое особым образом обучен диагностировать и лечить детский психиатр. Однако делинквентность – это не болезнь, подобно диабету. Это даже не предрасположенность, подобно компульсивности. Это просто... уничижающий статус, который приписывают плохо себя ведущему несовершеннолетнему”.
- “Общепризнанное определение детской психиатрии – это медицинская специальность, посвящённая диагностике, лечению и предотвращению психических болезней, которые поражают детей. С социологической точки зрения, это светское учреждение, предназначенное для регулирования отношений в семье. С моей точки зрения – это разновидность жестокого обращения с детьми”.
- «Детские психиатрические стационары, и вся практика психиатрической наркотизации детей, как в стационаре, так и вне его, представляют собой совокупность весьма новых... и крайне популярных продуктов и практик. Что-то похожее на сети быстрого питания».

Русское Физическое Общество

- «Систематическое водворение детей в психиатрические учреждения началось в 1950-х и только в 70-х приобрело широкомасштабный характер. Сегодня в психиатрических больницах заключены сотни тысяч детей, большинство из них – даже согласно самим психиатрическим авторитетам – без всякой надобности».
- «Поскольку психические болезни, предположительно поражающие детей, вне всякого сомнения, представляют собой неправильное поведение, и поскольку ребёнок – как психиатрический пациент – находится в куда более беспомощном положении, даже чем взрослый пациент, детская психиатрия представляет собой дважды сомнительное занятие».
- «Детскую психологию и детскую психиатрию невозможно реформировать. Их следует упразднить».
- “В терминах социальных, она создаёт у людей впечатление, будто поведенческие проблемы являются медицинскими и их следует решать с помощью лекарств; она налагает определённое клеймо на ребёнка, и возможно, пожалуй, на семью. Она медикализует проблемы обучения и воспитания, и способна создать биологические проблемы у того, кто принимает препарат. Я не знаю, понимает ли человек с улицы, что если 30-летний мужчина несёт в кармане риталин, он может отправиться за решётку на много лет. Это называется «спид». Однако именно это назначают школьникам, в отсутствие каких бы то ни было лабораторных или медицинских свидетельств тому, то они больны».
- “Никто не берётся объяснить, откуда эта болезнь [СДВГ] взялась, почему 50 лет назад её не существовало. Никто не может установить её с применением объективных диагностических мер. Она устанавливается по жалобе учителя или жалобе родителя. Люди ссылаются на тот факт, что им не нравится неуместное поведение детей, особенно мальчиков, в школах. Диагностирование помогает успокоить родителя, успокоить школьную систему. Она предлагает им ощущение того, что они сделали что-то в отношении проблемы, и они сделали это рациональным, научным способом. Своего рода, фармакологическая магия”.

О психиатрии, как нарушении прав человека

- **“Психиатрия не совершает нарушений прав человека. Она сама – нарушение прав человека” – Томас Сас**
- “Это не наука. Это политика и экономика. Именно этим психиатрия и является: политика и экономика. Контроль поведения, но не наука, не медицина”.
- “Мы имеем дело с эпидемией психиатрии. У нас нет эпидемии психических заболеваний, у нас эпидемия психиатрии”.
- “Когда мы, наконец, распознаем и открыто укажем преступников от медицины в своей среде? Или же сама возможность подобного восприятия многих из наших ведущих психиатров и психиатрических учреждений исключена тем фактом, что они представляют официально «корректные» взгляды и практики? Исключена ли она потому, что именно их слушают наши юристы и законодатели, журналисты и судьи? Или она исключена потому, что они контролируют обширные финансовые средства, собранные государством за счёт налогообложения граждан для финансирования отрасли, моральную приемлемость которой нам следует поставить под сомнение?”

Русское Физическое Общество

- “Психиатрия, пожалуй, стала наиболее разрушительной силой, оказавшей влияние на общество на протяжении последних пятидесяти лет».
- “Задача, которую мы перед собой ставим – воспрепятствовать психиатрическому принуждению – это важная задача. Это благородная задача, исполняя которую, мы должны, невзирая на помехи, настаивать на своём. Наша совесть требует никак не меньшего”.
- “...Вся психиатрия принудительна, потенциально или в действительности, потому что как только человек вошёл в кабинет к психиатру, этот психиатр при определённых условиях получает законное право и закреплённую законом обязанность недобровольно поместить этого человека в стационар. У психиатра имеется обязанность предотвращать самоубийства и убийства. Священник, выслушивающий исповедь, такой обязанности не имеет. Адвокат и судья таких обязанностей не имеют. Никто другой в обществе не имеет такой власти, которой наделён психиатр. Это такая власть, которой его следует лишить точно так же, как белых людей лишили власти поработать чернокожих людей”.
- “Они всё больше и больше становятся шарлатанами, когда говорят и действуют, выступая в роли врачей. Они говорят о диагнозах, лечебных мерах и мозге и всех этих вещах, о которых они не знают ничего. Ничего. Так что они становились шарлатанами всё дальше и дальше, как двести лет назад, когда они бросали людей в змеиные ямы, потому что не понимали, что они делают. И сегодня они также не понимают, что они делают”.
- “Невзирая на то, что властные институциональные силы бросили свой вес в пользу традиции контролировать психиатрические проблемы в концептуальных рамках медицины, нравственный и научный вызов очевиден: нам следует переосмыслить и переформулировать проблему «психического заболевания» так, чтобы она могла быть описана морально недвусмысленной наукой о человеке. ... Человеческое поведение – по сути, морально обусловленное поведение. Попытки описывать и менять его поведение без глубокого рассмотрения вопроса об этических ценностях, следовательно, изначально обречены на провал. Вот почему до тех пор, пока моральное измерение психиатрических теорий и терапий остаётся скрытым и неявным, и научная ценность будет весьма ограничена”.
- “Наилучшая, в действительности, единственная надежда на решение проблемы «психического заболевания» заключается в ослаблении, а не укреплении власти институциональной психиатрии”.
- “Наиболее важной социальной чертой институциональной психиатрии является применение силы и обмана”.

О книге "Миф о душевной болезни"

- **“Мои доводы ограничиваются утверждением, что психическое заболевание – это миф, функцией которого является замаскировать, и тем самым сделать более съедобной, горькую пилюлю моральных конфликтов, возникающих в отношениях между людьми”.**
- “Моим величайшим, непростительным грехом в *Мифе душевной болезни* стало привлечение общественного внимания к лингвистическим претензиям психиатрии и её предвзятой упреждающей риторике. Ну, кто станет выступать против «помощи страдающим пациентам» или «лечения поддающихся исцелению заболеваний?» Кто будет отстаивать «игнорирование больных людей» или «отказ предоставить пациентам спасительное лечение»? Отвергая этот жаргон, я настаивал на том, что психиатрические

больницы подобны тюрьмам, а не больницам, недобровольная психиатрическая госпитализация – это разновидность лишения свободы, а не медицинская помощь, что принудительные психиатры выступают в роли судей и надзирателей, а не врачей и целителей; и предлагал, чтобы мы рассматривали и понимали «психические болезни» и психиатрический ответ на них в качестве предметов права и риторики, а не медицины и науки”.

- “Довод о душевной болезни служит главным образом сокрытию того обыденного факта, что для большинства людей жизнь – это непрекращающаяся борьба, не за биологическое выживание, а за «место под солнцем», «мир в душе» или какую-то иную человеческую ценность. Поскольку человек осознает самого себя и мир вокруг, как только потребности поддержания тела (и, пожалуй, сбережения расы) более или менее удовлетворены, возникает проблема, что ему делать с самим собой. Последовательная приверженность мифу душевной болезни позволяет людям избегать рассмотрения этой проблемы, веруя в то, что психическое здоровье, понимаемое как отсутствие психического заболевания, автоматически обеспечивает человеку принятие правильных и безопасных решений при выборе того, как себя вести. Однако действительности дела обстоят в другой последовательности. Именно совершение правильного выбора – это то, что позднее, в ретроспективе, другие люди рассматривают как подтверждение душевного здоровья! ... наши противники – это не демоны, ведьмы, судьба или психические заболевания. У нас нет такого врага, которому можно «дать отпор», изгнать или заговорить с помощью «лечения». Что у нас есть, так это проблемы повседневного существования, будь то биологические, экономические, политические или социально психологические. В этой работе я сосредоточился только на проблемах из последней категории, а в рамках этой группы – с теми, которые связаны с нравственными ценностями. Сфера, к которой обращается современная психиатрия, весьма обширна, и я не пытался охватывать её всю. **Мои доводы ограничиваются утверждением, что психическое заболевание – это миф, функцией которого является замаскировать, и тем самым сделать более съедобной, горькую пилюлю моральных конфликтов, возникающих в отношениях между людьми”.**
- “Фраза ‘Миф душевной болезни’ означает, что душевной болезни не существует. Научное понятие болезни описывает телесное недомогание, то есть материальное – структурное или функциональное – отклонение от нормы в теле, как это бывает в машине. Таково классическое, викторианское, патологическое определение заболевания, а также определение болезни, которое используют врачи и специалисты по патологиям в качестве целителей, опирающихся на науку. Мозг является органом – подобно костям, печени, почкам и так далее – и, конечно же, как таковой, он может заболеть. Это лежит в сфере неврологии. Поскольку разум не является органом тела, заболеть он не может, если только не в переносном смысле – в том смысле, в котором мы говорим о «больных экономиках» или, в английском языке – «больных шутках». Это метафорический, переносный способ сообщить, что определённый вид поведения или состояние плохи, не одобряются, причиняют несчастье и так далее. Иными словами, говорить о «больном разуме» аналогично тому, чтобы говорить о «больной экономике» или «больных шутках». В случае психического заболевания, мы имеем дело с метафорическим способом выражения точки зрения, согласно которой в поведении человека, которому говорящий приписывает «болезнь», что-то не правильно.
- “Психическое заболевание, разумеется, не является вещью – или физическим объектом в буквальном смысле, и, следовательно, может существовать только в том же виде, в котором существуют другие теоретические понятия... настаивая на том, что душевная болезнь не существует, я не утверждал, будто не существует заодно и тех социальных и психологических проявлений, которым этот ярлык приписывают. Они вполне реальны,

Русское Физическое Общество

точно так же, как реальны были личные и социальные проблемы, с которыми люди сталкивались в Средние века. Нас интересуют именно ярлыки, которыми мы отмечаем эти проблемы, а отметив таким образом – что мы затем с ними делаем. Я не могу углубляться в детальные пояснения этой проблемы, однако стоит отметить, что демонологическая теория проблем существования породила выстраивание терапии в рамках теологии. Сегодня же верование в психическую болезнь предполагает – нет, требует – терапии в рамках медицины или психотерапии".

- “Под проблемами существования я понимаю, соответственно, ту поистине взрывную цепную реакцию, которая последовала за отпадением человека от Благодати Божьей, при вкушении плода с древа познания. Осознание человеком себя и мира вокруг себя, судя по всему, быстро разрастается, порождает за собой все увеличивающееся бремя понимания (выражение, заимствованное у Сьюзан Лэнгер, 1953). Соответственно, этого бремени следовало ожидать, и его не следует истолковывать ошибочно. Единственное разумное средство, предоставленное нам – это больше понимания, и надлежащие действия, опирающиеся на это понимание”.
- “На протяжении более пятидесяти лет я настаивал на том, что психические заболевания – это поддельные заболевания (‘не-болезни’), что принудительные психиатрические отношения сродни принудительным трудовым отношениям (рабству) или принудительным половым отношениям (изнасилованию), и потратил большую часть своей профессиональной жизни, критикуя понятие психического заболевания, возражая против практик недобровольной (институциональной) психиатрии, и настаивая на упразднении ‘психиатрического рабства’ и ‘психиатрического изнасилования’.”
- “Неудивительно, что чем настойчивее я напоминал психиатрам о том, что люди, заточённые в психиатрические больницы, лишены свободы, тем ревностнее они настаивали на том, что «психические заболевания – точно такие же болезни, как любые другие заболевания», и что психиатрические учреждения – медицинские больницы в полном смысле слова. Защита психиатрическим истеблишментом их принуждений и оправданий таким образом лишь укрепила мой довод о метафорической природе душевной болезни и важности различения между принудительной и договорной психиатрией.”
- “Фундаментальным фактом является то, что психического заболевания не существует... хотя в XIX веке «душевная болезнь» могла быть полезным понятием, сегодня оно не имеет научной ценности и причиняет вред обществу”.

О недобровольной госпитализации

- **“Недобровольная психиатрическая госпитализация сродни рабству. Улучшение стандартов этой процедуры напоминает приукрашивание плантаций. Проблема не в том, как усовершенствовать недобровольную госпитализацию. Проблема – как его упразднить”.**
- “На мой взгляд, недобровольная госпитализация и защита по невменяемости должны быть отменены точно так же, как было отменено рабство, отменена дискриминация женщин, отменено преследование гомосексуалистов. Только после этого мы сможем изучать так называемые «психические заболевания» в качестве разновидностей поведения, как любое другое поведение».

Русское Физическое Общество

- «Наиболее существенным лишением всеобщих и конституционных прав в отношении людей, объявленных «психически больными», является недобровольная госпитализация...»
- “На протяжении столетий недобровольные психиатрические меры рассматривались как нечто, совершаемое ради пациента, а не то, что ему причиняют... всё больше людей – как в психиатрической отрасли, так и в общественной жизни – приходят к пониманию того, что меры недобровольного психиатрического вмешательства – это меры социального контроля. Я настаиваю на упразднении всей недобровольной психиатрии как по нравственным причинам, так и по практическим основаниям.”
- “Поскольку недобровольная госпитализация приводит к утрате свободы, а также причиняет здоровью жертвы ущерб от руки медицинских преступников, чья якобы целительная функция санкционирована государством, она подразумевает куда большее поражение в правах, чем помещение в тюрьму – наказание, тщательно ограниченное конституционными гарантиями и судебными мерами предосторожности”.
- “Нечестно претендовать на то, что принудительная забота о психически больном неизменно помогает ему, и что отказ от такого принуждения приравнивается к «отказу ему в лечении». Каждая социальная политика подразумевает – как пользу, так и ущерб. Хотя наши идеи по поводу пользы и ущерба время от времени изменяются, история учит нас опасаться благодетелей, которые лишают благодетельствуемых свободы... Для недобровольных психиатрических мер не имеется ни оправдания, ни надобности в них....”
- “Если мы не воспрепятствуем лёгким процедурам недобровольной госпитализации, никогда не возникнет социального давления, необходимого для создания адекватных заведений, к примеру, для немощных пожилых людей”.
- “Добровольная психиатрическая госпитализация всегда является возможной и очень часто, в действительности, скрытой формой недобровольной психиатрической госпитализации. Пациенты зачастую попадают в психиатрическое учреждение под угрозой госпитализации недобровольно. Оказавшись внутри, они не могут добиться своего освобождения, как это могут обычные медицинские пациенты, и когда они настаивают на своём освобождении вопреки психиатрическим рекомендациям, врачи и родственники могут поместить их недобровольно».
- “Институциональная психиатрия – это продолжение Инквизиции. Все, что изменилось – это словарь и социальный стиль. Словарь согласуется с интеллектуальными ожиданиями нашего времени: это псевдомедицинский жаргон, пародирующий научные понятия. Социальный стиль согласуется с политическими ожиданиями нашего времени: это псевдолиберальное общественное движение, пародирующее идеалы свободы и разумности”.
- “Психиатрическое предприятие опирается на насилие и обман. Я называю все и вся формы недобровольной психиатрии – которая в наши дни охватывает практически всю психиатрию – психиатрическим рабством. Борьба за упразднение психиатрического рабства – это благородное дело, подобно тому, как борьба за упразднение рабства была достойным делом. Нам надлежит продолжить и умножить наши усилия, до тех пор, пока мы, перефразируя Вольтера, не «раздавим гадину».
- “По правде говоря, некоторые люди бывают опасны. Мы в Америке едва ли нуждаемся в напоминании об этом удручающем обстоятельстве – особенно, если мы проживаем в

Русское Физическое Общество

больших городах. Однако американский закон не предполагает, что опасность – это некое абстрактное психологическое состояние, приписываемое индивиду; вместо этого считается, что это вывод, извлечённый того факта, что человек совершил запрещённый законом насильственный поступок, ему предъявили обвинения в этом, он предстал перед судом и его признали виновным. В этом случае он подлежит наказанию, а не «лечению», в тюрьме, а не в больнице”.

- “Чтобы достичь цели упразднения недобровольной психиатрии, нам предстоит также признать, что так называемые психиатрические диагнозы, госпитализации и лечебные меры, за которыми клиенты не обращаются недвусмысленно сами для самих себя, являются принудительными”.
- “Что станет с психиатрией, если упразднить недобровольную психиатрическую диагностику, госпитализации и лечебные меры? В принципе, психиатрия станет подобна любой другой медицинской специальности, такой как дерматология или офтальмология – которые практикуются исключительно для добровольных клиентов. В более общем плане, она станет подобна другим профессиям, таким как бухгалтерия или архитектура, с достижением договорённости о продаже определённых услуг и продуктов осведомлённым о них покупателям. На практике, психиатрии предстоит затем выявить и определить, поскольку это до сих пор не делалось, услуги, которые она предлагает на продажу. Ясно, что такие изменения станут приговором той психиатрии, которую мы знаем сейчас”.

О восстановлении свободы воли и ответственности

- **“Нам предстоит восстановить понятие ответственности, разрушенное и запутанное психиатрией – её идеей о том, что если с Вами происходит что-то в детстве, и следовательно, Вы не отвечаете за свою жизнь тридцать лет спустя”.**
- “Современная психиатрия обезчеловечивает личность, отрицая само существование, и даже простую возможность, личной ответственности человека в качестве нравственно действующего субъекта... мандат психиатра заключается именно в том, чтобы замаскировать и даже отрицать этические дилеммы существования, представляя их в виде медикализованных и технизированных проблем, поддающихся соответствующим профессиональным решениям”.
- “Психиатры и другие учёные специалисты по поведению продолжают изливать нескончаемый поток статей и книг, якобы доказывающих, что у человека не имеется свободы воли. «Разоблачая» свободу воли и ответственность, профессионалы в области психического здоровья стремятся закрепить за собой статус настоящих учёных; одновременно они пытаются заручиться признанием со стороны политиков и населения с помощью обещаний контролировать преступность, которую они называют «чрезмерным насилием...»
- “Материалистическое истолкование природы, как указывает термин, предполагает рассмотрение любых симптомов в качестве проявлений физико-химических процессов, так, как это происходит, когда люди наблюдают за природой. Радость и печаль, испуг и восторг, гнев и жадность – любые людские ожидания и страсти, соответственно, истолковываются как проявления ненамеренных, неморальных биохимических процессов. В таком мире ничего не делается по умыслу, всё лишь случается само собой.
- “Люди любят свободу потому, что она защищает их от контроля и унижений со стороны других, предлагая им возможность достоинства ; они ненавидят свободу потому, что она возвращает их к своим собственным способностям и ресурсам, указывая им на возможность личной ничтожности”.

О психиатрии в судебной системе

Русское Физическое Общество

- “Едва ли токсикологов потерпели бы в законном суде, если бы один эксперт утверждал в процессе, что обнаружил в теле скончавшегося человека значительное количество мышьяка, а другой утверждал бы в том же самом процессе, что проделав ту же самую процедуру, он не обнаружил ничего. Однако именно этот жалкий спектакль происходит повсеместно в отношении психиатрических изысканий”.
- “Введение в исполнение уголовного законодательства психиатрических доводов – например, защита по невменяемости и соответствующее судебное решение, диагностирование неспособности предстать перед судом и так далее – разлагает закон и делает жертвой индивида, в интересах которого к ним прибегают”.
- “Любое преступное поведение должно контролироваться уголовным правом, и психиатры должны быть отстранены от его исполнения”.
- “Мое убеждение в том, что защиту по невменяемости следует упразднить, опирается отчасти на концептуальную критику и отчасти – на практику. Вкратце, концептуальная критика заключается в том, что невменяемость – сомнительный термин, который может относиться к одной из двух вещей: первая – заболевание мозга, и я остановлюсь на этом подробнее; вторая (неправильное) поведение. Что ж, болезнь, заболевание мозга как таковое, не вызывает преступных деяний. Эпилептики могут, как и все другие люди, совершать или не совершать преступлений. Далее, в той мере, в которой термин «невменяемость» относится к поведению, это фикция. Это не заболевание, и суждение об этом не относится к компетенции врача. Как правило, её устанавливают после того, как преступление совершено, в случае, если что-то ошеломило общество. Вторым моим основанием для возражения против неё служит то, что последствиями защиты по невменяемости становятся лишение свободы во имя диагноза, заболевания и лечения. И это – абсурдная претензия на научность и злоупотребление медицинской профессией ради удержания в заключении людей, формально объявляемых невиновными”.
- “Я давно настаивал на том, что институт психиатрии опирается на недобровольную госпитализацию и защиту по невменяемости, и что каждое из этих установлений представляет собой парадигму извращения власти. Если человек, называемый «пациент», не нарушает законов, у него имеется право на свободу. А если он нарушает закон, его следует судить и признавать виновным либо невиновным в рамках системы уголовного правосудия... Некоторые люди убивают, нападают, насилуют, грабят других, и тем самым угрожают обществу. Какой вклад психиатрия вносит в контроль над ними? Недобровольную госпитализацию, что есть эвфемизм для превентивного лишения свободы; и защиту по невменяемости, что есть эвфемизм для того, чтобы назвать лишение свободы – лечением (или стратегию для извинения виновности в преступлении). Эти две процедуры представляют собой столпы, на которых покоится психиатрическая власть. Каждая из них заверяет фикцию психиатрической компетенции управлять «опасностью». Каждая создаёт и утверждает иллюзию того, что мы мудро и как следует справляемся с наболевшими общественными проблемами, хотя в действительности мы оставляем их запущенными и усугубляем. Так психиатрическая власть разлагает не только психиатров, которые её удерживают, и пациентов, которые ей подчинены, но и общество, которое её поддерживает... Не имеется ни оправданий, ни необходимости для недобровольных психиатрических вмешательств....”
- “Если того, кто нарушает закон, не наказан, значит, того, кто его исполняет, обманули. Одного только этого достаточно для наказания нарушителей закона: чтобы удостоверить

Русское Физическое Общество

в качестве желательного и поощрить как полезное – поведение в рамках закона. Целью уголовного права не может быть «исправление» или «предотвращение» – ею может быть только поддержание законного порядка”.

О психиатрии, как псевдонауке

- **“Открытие того обстоятельства, что психические заболевания представляют собой заболевания мозга, будет означать исчезновение психиатрии и переход предмета её исследования в неврологию”.**
- “Никакое должное или недолжное поведение заболеванием не является и заболеванием быть не может. «Психического заболевания» не бывает. Точка”.
- “Я не отрицаю существования заболеваний мозга. Напротив, моя точка зрения заключается в том, что если психические заболевания – это заболевания мозга, нам следует называть их заболеваниями мозга и лечить их как заболевания мозга, а не называть их «психическими заболеваниями» и лечить как таковые. В XIX-м веке сумасшедшие дома были переполнены «безумцами», из которых больше половины, как выяснилось, страдали действительными заболеваниями мозга: главным образом нейросифилисом, а также травмами мозга, отравлениями или инфекциями. Как только это было понято, нейросифилис перестал быть «психическим заболеванием» и стал заболеванием мозга. То же самое произошло с эпилепсией».
- “Не имеется анализа крови или иного биологического анализа, который выявил бы наличие или отсутствие психического заболевания, подобно тому, как это имеет место для подавляющего большинства заболеваний тела. Если такой анализ будет разработан (в отношении состояния, которое до этого момента считали «психическим заболеванием») то это состояние перестанет быть психическим заболеванием и будет рассматриваться впредь в качестве симптома заболевания организма».
- “Если от нас требуется считать психическое заболевание такой же болезнью, как любые физические болезни, нам необходимо получать биохимические или патологические свидетельства этому. И если понятию «заболеванию» следует иметь научный смысл, должна быть возможность каким-то образом его оценить, измерить или установить в рамках научно обоснованного подхода, например, при анализе крови или с помощью электроэнцефалограммы. Если таким образом проверить его нельзя – как в случае «психического заболевания» – то термин «заболевание» становится в лучшем случае метафорой, а в худшем – мифом; и – следовательно – «лечение» таких «заболеваний» является столь же неопределённым и ненаучным занятием.”
- “На телевидении теперь всё что угодно может быть объявлено психиатрическим «заболеванием», едва только найдется психиатр, желающий «диагностировать» это и «лечить»... они неизменно объявляют «заболеваниями» разновидности поведения, которые с этого момента считаются не поддающимися контролю и подобными алкоголизму или пристрастию к наркотикам. Так растлители детей и убийцы превращаются в «бедных пациентов», которые не отвечают за своё «болезненное» поведение.
- “Объективные медицинские тесты устанавливают химические и физические изменения в тканях; они не устанавливают идей и не выносят суждений о поведении. До разработки замысловатых диагностических тестов врачам было крайне непросто определить разницу между действительной эпилепсией – то есть, неврологическими приступами – и тем, что мы называем «истерическими припадками», представляющими собой просто

Русское Физическое Общество

имитацию эпилепсии, претензию на приступ. Когда установили, что эпилепсия вызывается повышенной возбудимостью некоторых участков мозга, она перестала быть психопатологией, то есть психическим заболеванием, и стала невропатологией, то есть, заболеванием мозга. Соответственно, она стала предметом неврологии. Эпилепсия по-прежнему существует. Нейросифилис также существует, хотя встречается крайне редко, и его лечат не психиатры. Его лечат специалисты по инфекционным заболеваниям, потому что это инфекция мозга".

- “Я выступаю против любых авторитарных медикализаций. Каждая из них возвеличивает карателя-государство и карателя-доктора, и унижает гражданина за исполнение им своей свободы выбора. Всё настолько просто”.

О равном статусе психических заболеваний и страховании

- **“Мы говорим о ситуации, когда правительство предписывает частной страховой компании оплачивать расходы по заболеванию, которое не существует”.**
- “Национальный альянс психически больных представляет интересы психиатрических пациентов примерно так же, как Ку-клукс-клан представлял интересы чернокожих американцев”.
- “Защита «равенства статуса психических расстройств» – это обман. Сторонники «равенства статуса психических расстройств» не ищут равенства для психиатрических пациентов: они не добиваются равного отношения со стороны законодателей и судов в адрес психиатрических пациентов и медицинских пациентов. Всё, чего они хотят – это равенства для психиатров: они добиваются равного «денежного отношения» со стороны страховых компаний к психиатрам и другим врачам”.
- «Страховые компании больше не являются «свободными субъектами рынка», поскольку государственные законы требуют от них покрывать расходы на фиктивные заболевания.... Так работодатель, работник, страховщик и частная психиатрическая больница оказались связаны в экономическом силке, разлагающем их всех и поощряющем абсурдное разрастание частных психиатрических стационарных услуг”.
- “ Мы говорим о ситуации, когда правительство предписывает частной страховой компании оплачивать расходы по заболеванию, которое не существует. Сказать об этом следует так много, что я не знаю, с чего начать. Люди, которые этого требуют – главным образом, политики и психиатры – желают равного статуса для психических заболеваний, однако не желают равного статуса для психиатрического пациента, потому что обычные пациенты могут отказываться от лечения. Они не имеют в виду терапию; они подразумевают заручиться возможностью лечить людей недобровольно и направить эти гигантские суммы денег в психиатрию и на психиатрические препараты. Опять же, *сui bono* (кому выгодно)? В конце концов выяснилось, что «Элли Лилли» – крупнейший донор Национального альянса психически больных, и на пропаганду своих точек зрения они тратят миллионы долларов. У критиков нет денег на пропаганду противоположных взглядов. Это абсолютно одностороннее, спонсированное правительством движение”.

О терапевтическом государстве

Русское Физическое Общество

- **“Хотя мы, возможно, и не осознаём этого, мы становимся свидетелями зарождения *Терапевтического государства*. Пожалуй, это основное применение психиатрии в качестве учреждения социального контроля”.**
- “Говоря «терапевтическое государство», я использую этот термин с иронией. Оно терапевтическое для людей, которые сами заточают других, которые осуществляют терапию, оно не является терапевтическим для жертв, то есть, пациентов”.
- “В терапевтическом государстве лечение соразмерно и оправдано диагнозом заболевания пациента и врачебным назначением соответствующего средства... сегодня терапевтическое государство употребляет власть и применяет насилие во имя здоровья. Отцы-основатели не предполагали того, что союз между медициной и государством будет угрожать личной свободе и ответственности в точности так же, как им угрожал союз между церковью и государством”.
- “Поскольку у нас имеется термин, описывающий медицину как целительное искусство, однако нет термина, который описывал бы её как способ социального контроля или политического правления, нам следует прежде всего дать ему наименование. Я предлагаю называть его «фармакратия», от греческих корней *«pharmakon»*, то есть «лекарство» или «снадобье», и *«kratein»*, то есть «править» или «контролировать».
- “В прежние времена люди стремились принять тоталитарные государства. Теперь они стремятся принять терапевтическое государство. Когда они обнаружат, что терапевтическое государство означает тиранию, а не терапию, будет слишком поздно”.
- “Это явление иллюстрирует то, что я называю ползучим терапевтическим государством. Это коварное явление, особенно учитывая сотрудничество между правительством и СМИ. Оно дозволено на телевидении. Однако реклама виски – легального напитка – на телевидении запрещена. Этим исподволь подрывается законный порядок, принцип, согласно которому если что-то законно, то это законно, а если что-то вне закона, то значит, вне закона. Рецептный препарат в свободном доступе вне закона. Аптекарь не может продать его Вам, если только Вам не выписали рецепт на него. Эти препараты вне закона, однако «нелегальными» их никто не называет. Мне это кажется пагубным, примером того, о чем говорили Ф. Хайек и Людвиг фон Мизес – что противоположностью свободы является не жестокая тирания, а капризность.”
- “Терапевтическое государство стремится решить личные и социальные проблемы, определяя их в качестве заболеваний; облагодетельствованные им зачастую получают «помощь» против своей воли. Это тоталитарное государство, управляемое исходя из терапевтического усмотрения. Получатель психиатрического лекарства, который отдаёт препарат другу или отказывается воспользоваться его ‘выгодами’, подлежит преследованию и наказанию представителями терапевтического государства.”
- “*Принуждение, маскирующееся в качестве медицинской помощи – фундамент политической медицины*. Задолго до того, как нацисты пришли к власти, врачи-евгеники отстаивали убийство некоторых больных или неспособных людей в качестве формы лечения – как пациента, так и общества. Что превращает принуждение в терапию? Врачи, *диагностирующие* состояние субъекта в качестве заболевания и *объявляющие* «лечением» вмешательство, которое они налагают на жертву, а также законодатели и судьи, *утверждающие данные категоризации* в качестве «заболеваний» и «лечебных мер».

Русское Физическое Общество

- “Каждый американец понимает, что если правительство контролирует религию, вся религия становится государством. Однако немногие американцы понимают, что когда государство контролирует здоровье, всё здоровье становится общественным здоровьем, и всякая приватность утрачивается. Разрушение наших свобод – это не тайна. Это главным образом результат пугающего альянса между медициной и государством...”

О шизофрении

- **“Если Вы говорите с Богом – Вы молитесь; если Бог говорит с Вами, у Вас шизофрения”.**
- “Шизофрения определена настолько туманно, что она превратилась в термин, которым обозначается какая угодно разновидность поведения, не одобряемого говорящим”.
- “Если выяснится, что шизофрения имеет биохимическую причину и биохимические лечебные меры, шизофрения больше не будет одним из заболеваний, из-за которых людей госпитализируют недобровольно. В таком случае её начнут лечить невропатологи, а психиатры будут обращаться к ней не больше, чем сейчас они имеют дело с глиобластомой [опухоль мозга], паркинсонизмом и иными заболеваниями мозга.”
- “‘Психическое заболевание’ представляет собой выражение, метафору, которой оскорбительные, раздражающие или досаждающие поведение, поступки или образ действий, например, «шизофрения», описываются в качестве «болезни».

Об упразднении недобровольной психиатрии

- **“Психиатрические пациенты не нуждаются в психиатрических больницах; им требуются приюты – места, где можно получить убежище, где они будут защищены от принуждения со стороны преследователей, выдающих себя за защитников”.**
- “Лишившись профессиональной поддержки со стороны медицины и социального оправдания лечебных мер, терапевтам поведения были бы должны предлагать свои услуги на свободном рынке; там они не смогли бы принуждать недобровольных клиентов делать вещи, которых те не хотят, и побуждать общество и государство поддерживать их за счёт налогоплательщиков”.
- “Когда люди не знают, ‘что ещё поделать’ например, с апатичным, замкнутым подростком, мелким преступником, эксгибиционистом или проблемным пожилым человеком, наше общество, по существу, советует им поместить «нарушителя» в психиатрическую больницу. Чтобы справиться с этим, от нас потребуется создать множество гуманных и разумных альтернатив недобровольной психиатрической госпитализации. Дома для престарелых, мастерские, временные дома для неимущих людей, у которых распались семейные узы, прогрессивные тюремные общины – эти и многие другие учреждения потребуются для того, чтобы принять исполнение задач, в настоящее время доверенных психиатрическим больницам”.
- “Если бы недобровольную психиатрию упразднили, люди были бы свободны уходить, и они были бы свободны оставаться. Они могли бы получить просто койку, стол и крышу над головой. Такой выбор никогда не предоставлялся кому-либо. Я бы не давал его никому, кроме тех, кто уже стал жертвой. Им следует предоставить такой шанс настолько, насколько они хотят выйти оттуда”.
 - <http://chr.ru/about/co-founder-dr-thomas-szasz/>